

ЭТЮД К ПОРТРЕТУ

ПОЧТИ КАЖДЫЙ ВЕЧЕР НА МАГАДАНСКОЙ СЦЕНЕ

ПРИБЫЧНЫМ стало знать, что почти каждый вечер на сцену Магаданского театра выходит Анатолий Губский. А кем будет он сегодня? Шутером поневоле Расплюевым или старомодно-благородным врачом Родионом Николаевичем? Сумасшедшим Лузгиным или обреченно-опустошенным коммерсантом Атумом? Покажется ли он в эпизоде, но так, что эпизод этот станет если не самым главным, то самым ярким? Или будет на сцене все два часа, и за это время пройдет перед нами жизнь человеческая?

Кажется, что за пять лет работы в Магадане Анатолием Губским создано неисчислимое множество работ. Однако это не совсем так. Хотя бы потому, что за это время драматическая труппа театра поставила чуть больше десятка спектаклей. Правда, и то, что в десяти из них был занят актер Анатолий Губский. Попробуем первое с ним знакомство? В классическом-монтажном спектакле «В лесах» по А. Мельникову-Печерскому в ряду других прочно и тяжело стоящих на земле персонажей Потап Максимович Губского казался коренником. Но была какая-то тоска в его глазах. То ли от того, что нет истинного размаха в этих лесах, то ли потому, что не вся земля — деса. Потом в других встречах мы убедились в нескромности таланта Анатолия Губского, в легкости и веселости его, но где-то на самом дне души будет таиться эта тоска по красоте и гармонии, по идеалу, улы, недостижному там, где делают фальшивые мошеты, придумывают ложные свадьбы, где ведет свои расследования комиссар Мегрэ.

Почему же кажется, что за пять лет работы в Магадане создано Анатолием Губским множество образов, хотя, по сути, их несколько?

Потому что, когда выходит на сцену Лузгин в «Фальшивой монете», то мы с вами по уверены, что это сумасшедший страховый агент. Ведь он так естественно себя ведет, так прищипчиво разыскивает наследника к чему-то песу-

шествующему, что с ужасом думаешь: боже мой, ведь он ищет гармонию в этом фальшивом мире! Он падается отсыпавшим призрачному, но материальному имуществу — душо — его истинного хозяина. И потому он так боится двойника в зеркале, что идруг кто-то фальшивый станет этим посредником. Нет, мы не увидим тут тоски в глазах актера, но — страх! Страх этого не вынесет слабому человеку Лузгину, и потому так печален его конец и печальна участь всякого, кто захочет уравновесить что-то в мире фальшивомошечников.

А Расплюев в «Свадьбе Кречинского», выставляющий боль на потеху, юродствующий, чувствующий себя выше иллюзорного благородства, который и спину для битья подставит, но уйдет со своим в душе. Расплюев — Губский профессионально издевается над собой и в этом — издевательство над теми, кто не чувствует смековаторности своего положения, кто мнит, будто он стратег и политик и действия его в высшей степе-

ни авантюры. Нет, потому и потерпит крах ловкач Кречинский, что существует, помогая ему и высвечивая его, — Расплюев. Это ведь удивительная философия, жизненная позиция — раз плюнуть, и свинью подложить — так же легко. В Расплюеве Анатолия Губского вы увидите всю гамму в постепенном переходе от сришчества к тоске, и этим будет создан пусть заплыванный, но щит тому самому «я», где у него есть он сам и шестеро или семеро детей.

Есть еще спектакль «Четыре дня из жизни комиссара Мегрэ», поставленный самим Губским. Конечно, это не та драматургия, где стоит только найти свой актерский, режиссерский эквивалент мысли драматурга, и все будет в высшей степени интересно. Спектакль принимается с удовольствием теми, кто давно знаком с Ж. Сименоном и кому любопытно посмотреть, как это может выглядеть «в лицах», насколько существование актера разрушает или подтверждает детективную психологическую исследование. Но заметили ли вы второстепенный образ коммерсанта Атума? По прощестии времени уже трудно сказать, какие сюжетные линии замыкаются на нем, по ту оцетоненность, ту отчужденность от жизни, которую выразил Анатолий Губский, забыть нельзя.

Конечно, более всего на памяти у нас главный врач санатория Родион Николаевич с его реакцией неприятием какой-то дисгармоничности

странной отдыхающей Жильбер. Конечно, он не уйдет из памяти, старый, замкнутый на своем прошлом Родион Николаевич, которому достаточно увидеть, как женщина слушает музыку, чтобы понять в этой дисгармонии талант неортодоксальности, талант своеобразия восприятия, умения чувствовать каждый миг вновь рожденным. Но поэтому ли так знаком нам этот Родион Николаевич, которого написал драматург Арбузов, что есть в нем поднижкость души, восприимчивость сердца актера Анатолия Губского?

Если бы спросили на каком-нибудь экзамене, какова актерская природа Губского, то, минуя все его трюки и склопность к гиперболе, его желание и умение найти в образе смешное, скажешь — доброта. Причем по абстрактная доброта, а то свойство души, которое в силах быть шкалой для прожасшей стрелки гармонии. Шкалой с меняющимися делениями, ибо то, что ценным было вчера, может оказаться будничным сегодня. Чувствовать это — необычайно трудно и необычайно важно, особенно для актера. Только созвония истинную ценность человеческого характера с величинной сегодняшнего дня можно играть в пылшем спектакле Расплюева и Лузгина, Родиона Николаевича и шукшинского Сепю. Можно играть человека в его падении и величии.

Вот почему кажется, что сыграл Анатолий Губский неисчислимое количество ролей, посмотри на то, что было их не больше десятка. И пусть нам будет приятно знать, что почти каждый вечер на сцене Магаданского театра — Анатолий Губский.

Т. КУШПЕЛЬ.

НА СНИМКЕ: Анатолий Губский.

Фото А. Сандлера.